

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGY

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-546-564>

EDN: GQDGD0

Научная статья / Research Article

Правовые проблемы цифрового гражданства

Ю.А. Гаврилова , Ю.А. Боков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

 gavrilova_ua@volsu.ru

Аннотация. Анализируется феномен цифрового гражданства в юридической науке. Интерес к цифровому гражданству обусловлен интенсивным развитием цифрового общества и технологий, кардинальными трансформациями личности гражданина и правовой культуры в данную эпоху, неоднозначностью универсального и национального понимания цифровизации, междисциплинарной рассогласованностью научных взглядов на это явление и различной его отраслевой правовой интерпретацией. Цель исследования – выделить правовые проблемы цифрового гражданства как непосредственный объект познания для юридической науки. Применены методы: формально-юридический, конкретно-социологический, сравнительно-правовой, статистический, моделирование, прогнозирование, культурологический. Рассмотрены три наиболее актуальные правовые проблемы цифрового гражданства как юридической конструкции, комплексного правового института и особого феномена современной правовой культуры. Юридическая конструкция цифрового гражданства позволит обобщить типовые элементы многообразных явлений и ситуаций, объединенных атрибутом «цифровой» в жизни гражданина. Предложены элементы конструкции цифрового гражданства: цифровое образование, цифровая компетенция (грамотность), цифровая идентичность, цифровое мышление и цифровое поведение. Комплексный правовой институт цифрового гражданства обеспечит единство научных, законодательных и прикладных подходов в точном и эффективном правовом урегулировании всех сфер общественной жизни, в которые внедрены цифровые технологии. В состав комплексного правового института цифрового гражданства могут входить институты электронной демократии и электронного голосования, электронного бизнеса, электронного правительства, электронного правосудия и пр. Цифровое гражданство как явление правовой культуры может измеряться с помощью количественных и качественных методов, отражать уровень цифровой зрелости гражданина на примере сформированных правовых знаний, умений, навыков, ценностей, рефлексии и опыта практики в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровое гражданство, правовая культура, юридическая конструкция, комплексный правовой институт, цифровые технологии, личность, общество, власть, государство

© Гаврилова Ю.А., Боков Ю.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01342 «Правовая культура цифровых граждан».

Поступила в редакцию: 14 февраля 2024 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

Для цитирования:

Гаврилова Ю.А., Боков Ю.А. Правовые проблемы цифрового гражданства // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 3. С. 546–564. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-546-564>

Legal issues of digital citizenship

Yulia A. Gavrilova , Yuri A. Bokov

Volgograd State University, *Volgograd, Russian Federation*

gavrilova_ua@volsu.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of digital citizenship in legal science. Interest in digital citizenship is driven by the rapid development of digital society and technology, radical transformations of individuals's identity and legal culture in this era, ambiguity between universal and national understanding of digitalization, interdisciplinary disagreement in scientific views on this phenomenon, and its varying sectoral legal interpretations. The purpose of the study is to identify the legal issues of digital citizenship as a direct subject of study for legal science. Methods applied include formal-legal, socio-legal, concrete sociological, comparative legal, statistical, modeling, forecasting, and cultural studies. Three of the most relevant legal issues of digital citizenship are examined as a legal construct, a comprehensive legal institution, and a distinct phenomenon of modern legal culture. The legal construct of digital citizenship allows for the generalization of typical elements of diverse phenomena and situations united by the attribute “digital” in a citizen's life. Elements of the digital citizenship construct are proposed as follows: digital education, digital literacy competence, digital identity, digital thinking and digital behavior. A comprehensive legal institution of digital citizenship will ensure the unity of scientific, legislative and applied approaches in precise and effective legal regulation of all areas of public life where digital technologies are integrated. The comprehensive legal institution of digital citizenship may include institutions of e-democracy and e-voting, e-business, e-government, e-justice, and others. Digital citizenship as a phenomenon of legal culture can be measured using quantitative and qualitative methods, reflecting the level of a citizen's digital maturity through established legal knowledge, skills, values, reflection, and practical experience in the digital environment.

Key words: digital citizenship, legal culture, legal construction, complex legal institution, digital technologies, personality, society, power, state

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: inseparable co-authorship.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01342 “Legal culture of digital citizens”.

Received: 14th February 2024

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Gavrilova, Yu.A., Bokov, Y.A. (2024) Legal issues of digital citizenship. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 546–564. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-546-564>

Введение

В современной отечественной и зарубежной литературе возрастает интерес к проблеме цифрового гражданства. Данная тема порождена потребностями цифровой эпохи, которая привела к качественным изменениям общества, сделав его более удобным, комфортным и привлекательным, внедрила в жизнь людей информационно-коммуникационные технологии связи, построила на их основе глобальные системы интерактивной коммуникации.

Несмотря на то, что о цифровом гражданстве говорят уже примерно 15–20 лет, до настоящего времени это понятие относится к числу недостаточно изученных, что определяется рядом причин.

1. Распространение феномена цифрового гражданства в современном мире ставит на повестку дня вопрос о возможности универсализации и глобализации понимания цифрового гражданина, что является проблематичным. При наличии общих точек соприкосновения во взглядах разных специалистов остро ощущается потребность учета национально-культурных контекстов и социальной среды, в которой формируется «ткань» цифрового гражданства. Будучи встроенными в процесс всемирного развития Интернета и других информационных систем, отечественные концептуальные представления о цифровом гражданине должны иметь свои характерные черты и особенности.

2. В научном сообществе относительно единообразное междисциплинарное понимание природы, элементов и сущности цифрового гражданства отсутствует. Ученые, эксперты, политики и общественные деятели либо вообще не проводят четких границ понятия цифрового гражданства, отождествляя его со всем, с чем сталкивается человек в период цифровизации социальных отношений, либо ограничивают объем понятия дисциплинарными рамками:

- а) философскими (тематика человека, общества, власти и технологий);
- б) социологическими (цифровой капитал граждан, малых и больших социальных групп, корпораций);
- в) политологическими (императивная и делиберативная демократия) и
- г) юридическими (гражданство, собственность, публичная власть, государственная территория и суверенитет в цифровом мире и т.д.).

Плодотворная научная дискуссия возможна при более четком и фиксированном статусе предмета исследования.

3. В юриспруденции первостепенный интерес к проблеме цифрового гражданства проявляют специалисты конституционного права, изучающие конституционно-правовой статус личности и его динамику в период цифровых трансформаций.

Некоторые аспекты цифрового гражданства рассматриваются в гражданском праве при освещении нормативной правовой регламентации электронной коммерции или цифровой интеллектуальной собственности, классификации новых объектов гражданских прав, соблюдения антимонопольных требований.

В административном праве постоянно увеличивается объем законодательных и иных правовых актов по вопросам информатизации деятельности органов

государственной власти и органов местного самоуправления, их взаимодействия в электронной среде, защиты информации и обеспечения информационной безопасности. Расширяется пространство гражданских дискуссий и социального предпринимательства, которое инициируется гражданами и общественными объединениями в социальных сетях и на цифровых платформах.

Государство также заинтересовано в надлежащей финансово-правовой легализации цифрового экономического оборота, являющегося мощным потенциальным источником налоговых поступлений в российский бюджет.

Следовательно, юридическая природа цифрового гражданства многообразна и рассматривается с разных сторон. Для анализа этого явления требуется определить понятие, изучить признаки, структуру и виды, выделить функциональные аспекты и раскрыть механизм формирования, развития и правовой охраны цифрового гражданства. Но в узких отраслевых рамках еще пока не разработан и вряд ли может быть сформулирован целостный общеправовой подход к цифровому гражданству. Следует консолидировать усилия юридического сообщества по данному вопросу и выделить в качестве самостоятельного направления исследований именно правовые проблемы цифрового гражданства.

Предлагаем рассмотреть три правовые проблемы: 1) разработка цифрового гражданства как юридической конструкции; 2) формирование цифрового гражданства как комплексного правового института; 3) становление цифрового гражданства как особого феномена современной правовой культуры.

Цифровое гражданство как юридическая конструкция

Под юридической конструкцией понимается идеальная модель юридически значимых общественных отношений, отражающая в определенной логико-языковой форме сложный состав и структурную взаимосвязь элементов таких отношений, а также способная выполнять функции как метода познания права, так и средства правотворческой и правоприменительной техники (Cherdantsev, 1993:131; Vlasenko, 2013:167).

Юридическая конструкция имеет существенное методологическое и прикладное значение в правоведении. Она воплощает в себе гносеологический подход к абстрагированию элементов и обобщению типовых правовых явлений, которые характеризуются структурным подобием и функциональной близостью и, следовательно, могут быть основанием для точного и емкого правового регулирования. Юридическая конструкция классифицирует и группирует правовые явления, нацелена на оптимальное объединение многообразного правового материала в единые нормативные комплексы, предлагает готовые алгоритмы разумной и рациональной правовой регламентации жизненных ситуаций, стремится максимально полно и непротиворечиво охватить правовым воздействием социальные связи, повысить эффективность правоприменения.

Имеющиеся сегодня в научной литературе взгляды на определение цифрового гражданства имеют в основном описательный и обзорный характер, что свидетельствует не только об отсутствии почвы для моделирования соответствующей правовой конструкции, но и недостаточно проработанном содержании этого понятия.

По мнению авторов, цифровой гражданин — это человек, который должен обладать необходимыми знаниями и навыками для эффективного использования

цифровых технологий для общения с другими людьми, участия в жизни общества, взаимодействия с государственными институтами, а также для создания и потребления цифрового контента (Vokov & Abezin, 2020:444).

Результаты некоторых исследований показывают, что цифровое гражданство достигается за счет безопасного, надежного, этического, морального и ответственного использования платформ социальных сетей. Здесь безопасное и ответственное применение Интернета означает позитивное восприятие и использование цифровых инструментов в онлайн-сотрудничестве на благо других лиц (не причиняя вреда другим лицам), защиту собственной и чужой информации в сети. При этом затруднительно провести различие между моральными и этическими требованиями к цифровому гражданину, что предопределено языковыми и философскими аргументами о соотношении сущего и должного, индивидуального и социального, профессионального и личного начал (Chukwuere & Munapo, 2023:1009).

Утверждается, что приобретение статуса цифрового гражданина возможно при: 1) обеспечении подлинной безопасности интернет-взаимодействия, основанной на сознательном и ответственном отношении к правам и интересам своим и других пользователей; 2) раскрытии потенциала цифровой среды для индивидуального, предпринимательского, культурного роста; 3) применении публичных сервисов для расширения гражданской и политической активности граждан, построения диалога с органами власти. Следовательно, основными сферами реализации цифрового гражданства можно считать безопасность, бизнес, демократию, ответственность, эффективность, цифровую этику (Brodovskaya, 2019:66–68).

Высказывается мнение, что цифровое гражданство закрепляет возможность участвовать в социальных отношениях в условиях цифровых трансформаций общества, когда имеются в наличии несколько условий: постоянная пользовательская сетевая активность, цифровое гражданское и политическое участие (электронная демократия), предпринимательская и трудовая деятельность (электронная торговля и цифровой бизнес). Однако в связи с общедоступностью современных цифровых коммуникаций вступают в конфликт свобода цифрового гражданина, рассчитывающего на диффузию власти онлайн, и власть, которая по-новому концентрируется в руках интернет-сообществ и владельцев цифровых платформ, устанавливает новый цифровой порядок за счет организации и программной настройки, интеграции и координации функционирования различных сетей (Pugta, 2019:73).

Отдельные исследователи видят назначение цифрового гражданства только в постепенном государственном внедрении инновационных цифровых сервисов, а процесс конфигурирования архитектуры цифрового гражданства складывается из введения и наращивания объема государственных услуг, цифрового профилирования гражданина, оформления цифрового удостоверения личности на Едином портале государственных услуг и в Единой системе идентификации и аутентификации граждан (Bronnikov & Karova, 2021:128).

Следовательно, можно констатировать, что существенные признаки понятия цифрового гражданства рассматриваются неоднозначно, а иногда фрагментарно и неопределенно. Большинство ученых понимают, что концепция цифрового гражданства вращается вокруг слова «цифровое», но то, какие составляющие должны структурно и содержательно преобладать в этой предметно-понятийной области, формируя общее понимание, до сегодняшнего дня обосновано слабо и явным образом не представлено.

В этой связи представляется возможным и целесообразным максимально обобщенно оценивать место гражданина в цифровой реальности в рамках соответствующей правовой конструкции цифрового гражданства, основными элементами которой, на наш взгляд, являются:

- 1) цифровое образование;
- 2) цифровая компетенция (грамотность);
- 3) цифровая идентичность;
- 4) цифровое мышление;
- 5) цифровое поведение.

Исходные знания, представления, возможности для цифровой эволюции человек получает в рамках института социализации: образования, обучения, воспитания и т.п. **Цифровое образование** понимается как урегулированная правом качественная трансформация традиционного образовательного процесса, связанная с внедрением компьютерной техники и распространением цифровых технологий, совершенствованием форматов и методик обучения (аудиторное, дистанционное, смешанное и т.д.), изменением требований к самому образовательному процессу, результатом которого должно быть производство инноваций в экономике, бизнесе, технике и социальной сфере.

Юридизация цифрового образования, а равно цифровизация юридического образования, позволяют выделить ряд общих ситуационных элементов, нуждающихся в правовой регламентации. Это выполнение педагогами дополнительного объема работ в процессе цифрового образования, унификация баз данных обучаемых лиц в учебных заведениях, защита персональных данных, равный цифровой доступ и преодоление цифрового разрыва в образовании, соотношение скорости и цены изготовления учебного контента с его актуальностью и качеством и т.д. Для правильного понимания правовых средств разрешения подобных вопросов существует потребность закрепить цифровое образование как элемент юридической конструкции цифрового гражданства.

Цифровая компетенция (грамотность) включает в себя совокупность знаний, умений и навыков эффективного использования цифровых технологий и программных инструментов, необходимых для решения конкретных прикладных задач в онлайн-среде (сбор, обработка, анализ, интерпретация, перераспределение информации и т.д.). Способность человека применять приобретенные знания, умения и навыки в соответствующих целях на различных цифровых платформах называют также цифровой грамотностью.

Существует более широкое понимание цифровой грамотности, включающее в себя цифровые компетенции, цифровое потребление и цифровую безопасность. Между тем цифровая грамотность выступает как закономерный и неизбежный результат формирования надлежащих цифровых компетенций лица, поэтому в данном исследовании цифровая компетенция (грамотность) рассматривается в неразрывной взаимосвязи процесса и результата.

Цифровые компетенции: их виды, уровни, пути формирования, требования к профессиональной деятельности регламентируются федеральными государственными образовательными стандартами и другими общими и локальными нормативными актами. Здесь тоже имеются очевидные основания отражать и совершенствовать этот элемент в содержании юридической конструкции цифрового гражданства.

В зарубежной литературе наряду с техническим или функциональным аспектом выделяют т.н. «критическую» цифровую грамотность, т.е. дальнейшее развитие лингвистических способностей индивида к онлайн-чтению и письму и формированию на базе цифровых технологий более широкого визуального образа мира как культурного феномена. Данный взгляд исходит из того, что любая цифровая технология создается в экономическом, социальном и культурном контексте, вследствие чего несет на себе «след» пристрастных убеждений авторов технологии. Именно в связи с отсутствием нейтральности важно развивать критический подход к изучению цифрового пространства, направленный отнюдь не против власти и основ демократии, а на преобразование цифровой среды в направлении справедливости, равенства, улучшения общего блага (Mamluk, 2021:164–165).

В отличие от этого высказано мнение, что для анализа общества в актуальном состоянии имеющихся в нем цифровых технологий необходимо изучение человеческой деятельности по разграничению материального и цифрового, онлайн и офлайн, описание технологического развития на основе соотнесения различных представлений о технологиях. Поэтому для преодоления негативного воздействия власти на цифровые технологии (наблюдение за человеком в сети, алгоритмизация управления) следует развивать такие знания и компетенции, которые будут приводить к саморазвитию личности, ее раскрепощению в отношениях с властью и достижению социальной справедливости, формированию идеального гражданина в ходе формального, неформального образования и иных значимых контекстах цифрового гражданства (Örtegren, 2024).

Цифровая идентичность – это пространственно-временное осознание и переживание человеком своего «Я» как устойчивого целостного образования в цифровом мире. Оно выражено в актах самоопределения и самосознания, самооценки и общественной оценки его деятельности, позволяющих идентифицировать себя с социальными группами и (или) отличаться от других сетевых сообществ и субкультур, но неизменно сохранять ядро личности в изменяющихся социальных условиях. В противном случае имеет место феномен ослабления или утраты цифровой идентичности.

Важно отметить, что цифровая идентичность не сводится только к юридически безопасным операциям с цифровым профилем человека. Совокупность персональных данных (логин, пароль, электронная почта и т.д.) используется не только для идентификации, аутентификации и авторизации пользователей, а также для обеспечения конфиденциальности, сохранности цифровых данных, устройств и платформ. Более того, реальная цифровая идентичность не может быть полной «копией» общей социально-психологической идентичности, так как имеет свой путь формирования.

На ранних этапах Интернет часто служил сферой экспериментальной самопрезентации человека. Многие люди и сейчас обращаются к цифровому миру для раскрытия дополнительного личностного потенциала, который они не могут проявить в подлинном мире, либо чтобы визуализировать собственный образ, сделать ярче и привлекательнее индивидуальные черты характера, скрыть недостатки внешности и поведения, реализовать идеалы и мечты.

Для выполнения этих задач человек активно ведет себя в Интернете, осуществляет познавательную (обучение и чтение), коммуникативную (сетевое общение) и досуговую деятельность (онлайн-игры и пр.). Одновременное осуществление разноплановой деятельности в Интернете укрепляет цифровую идентичность, так

как человек не только ищет и обрабатывает информацию, но и самостоятельно создает новый цифровой контент.

В итоге гражданин формирует внутреннее оценочное отношение к явлениям цифровой реальности, действуя в нем осознанно и целенаправленно, получая умения и навыки максимального использования цифровых технологий для личностного роста, развивая способность проводить границу между цифровой средой и социальной реальностью. И лишь внешним формально-юридическим выражением этого процесса является общая сетевая идентификация субъекта в виде его цифрового профиля, цифрового образа, цифрового «двойника», т.е. цифровая идентичность в единстве внутреннего и внешнего компонентов.

Важная роль в конструкции цифрового гражданства принадлежит *цифровому мышлению*. Оно заключается в творческом решении социальных проблем с использованием расширенных возможностей цифровых технологий, из чего развивается готовность к непрерывному обучению в течение всей жизни, открытость, адаптивность к быстро меняющимся технологическим трансформациям общества. Стандартное доцифровое мышление внесло положительный вклад для формирования объективного мировосприятия, понятийной иерархизации и классификации объектов, процессов по родовидовым признакам, выработки готовых схем познания и деятельности человека в физической, социальной реальности, однако его становится недостаточно в цифровую эпоху.

Изложенное определяет интерес юриспруденции не только к конституционно-правовому регулированию политической и гражданской активности в интернет-пространстве, но и обеспечению трудовой, учебной и профессиональной мобильности. Цифровая эпоха конструирует новый социальный образ, в котором предьявляется запрос на гипертекстуальность («ссылочность») мышления, гибкость, символичность, вариативность значений и смыслов и пр. Работник, студент, избиратель, налогоплательщик, родитель или ребенок должны нести максимальную ответственность, инициативность и самостоятельность за выбор и результаты своей деятельности в онлайн-среде, предвидеть тенденции будущего и расставлять приоритеты в достижении целей.

В рамках цифрового мышления формируется новая цифровая аксиология права: ценности позитивного отношения к цифровой правовой среде, определения межличностных границ сетевой коммуникации и юридической допустимости форматов онлайн-общения, удобство, привлекательность, прозрачность, подотчетность и т.д.

Зарубежные ученые расходятся во взглядах о роли современных практик цифрового гражданства в мире, что можно объяснить концептуальными различиями в подходах на основе цифрового мышления. Большинство ученых признает, что цифровая эпоха видоизменяет традиционную юридическую форму гражданства, которая содержит ограничения. Статичный характер этой формы гражданства определен понятием правового статуса личности, который законодательно закрепляет права, обязанности по прямому участию в государственных делах и общественной жизни. Такие пределы отсутствуют в динамичном новом цифровом гражданстве «повседневности», когда с помощью применения цифровых технологий в опыте повседневной жизни граждане реактуализируют текущие и консолидируют новые правопритязания и возможности будущего правового статуса (Third, et al., 2019:188–191).

Признавая правильность разделения двух форм гражданства, следует подчеркнуть необоснованность чрезмерного противопоставления т.н. «популярного»,

«должного» гражданства, гарантированного со стороны государства, и «актуализированного», «нового» гражданства, реализуемого в рамках цифрового мышления. Этот взгляд сохраняет либеральную трактовку цифровой среды как безраздельно господствующей свободы пользователей, связывает негативные коннотации с действиями власти в процессе цифровизации в противовес коммунитарному подходу, который защищает общественные и государственные интересы (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Более правильной представляется точка зрения, что нет принципиальной разницы между реальным и цифровым гражданством. В настоящее время мир является единым пространством, в котором сочетается онлайн- и офлайн-сфера. Следовательно, и в той, и в другой сфере важны не только морально правильное и безопасное поведение, но и активная гражданская вовлеченность, чему и должно учить цифровое мышление: участвовать в жизни общества с помощью цифровых инструментов (Chapman, 2023:100–101).

Цифровое поведение – это эмоционально окрашенное поведение человека в цифровой среде, выражающее на основе убеждения/принуждения его отношение к принятым в обществе нормам и правилам (одобрение/порицание), оценку циркулирующей в нем информации (достоверная/недостоверная). Цифровое поведение по объему понятия шире, чем только цифровое потребление (вопреки распространенному мнению), поскольку включает в себя совокупность всех процессов поиска, создания, обмена и потребления цифровой информации. Ключевое значение для развития информационной культуры личности имеет, тем не менее, цифровое потребление, в котором личность пользуется услугами цифровых сообществ: операторов проводного и мобильного Интернета, электронных СМИ, социальных сетей и др.

Как особая форма общей правовой активности личности и практическое выражение цифрового гражданства цифровое поведение может и должно регулироваться правовыми нормами. Данное понятие затрагивает экономические отношения в цифровой среде (электронная торговля), реализацию избирательных прав граждан и избирательных объединений (электронная демократия), рассмотрение судебных споров в дистанционном режиме или с применением искусственного интеллекта (электронное правосудие), оказание государственных услуг (электронное правительство), опрос населения и выдвижение муниципальной правотворческой инициативы (цифровое местное самоуправление) и т.д.

Имплементация цифрового поведения в структуру цифрового гражданства потребует критически важных законодательных решений и подходов по определению особенностей объективной и субъективной стороны состава преступления (место, время, форма вины, мотив, цель, эмоция), особенностей расследования преступлений, совершаемых в цифровой среде или с использованием компьютерной цифровой информации и пр. Соответственно, необходимо объединение доктринальных достижений научных коллективов юристов, работающих в пространстве цифровизации.

Рассмотрение вышеуказанных компонентов не может считаться исчерпывающим описанием юридической конструкции цифрового гражданства, поэтому мы призываем продолжить анализ этой правовой проблемы, ограничившись на данном этапе перечислением элементов соответствующей правовой конструкции: цифровое образование, цифровая компетенция (грамотность), цифровая идентичность, цифровое мышление и цифровое поведение.

Цифровое гражданство как комплексный правовой институт

В одной из ранних работ С.В. Полениной обосновано существование в системе права комплексных правовых институтов, вызванных к жизни необходимостью единой настройки близких по характеру общественных отношений, подпадающих под действие нескольких отраслей права. Для комплексных правовых институтов могут частично совпадать предметы, методы, принципы и механизм правового регулирования «материнской» и «заимствованной» отраслей права, однако отраслевая принадлежность норм «дочерней» отрасли сохраняется, хотя они и закрепляются преимущественно в источнике «профильной» отрасли права.

Комплексные правовые институты могут быть внутриотраслевыми, направленными на фиксацию норм разных отраслевых институтов в рамках одной отрасли права (например, институт труда молодых специалистов в трудовом праве) и межотраслевыми – в рамках двух и более отраслей. При этом комплексные межотраслевые правовые институты подразделяются на пограничные и функциональные. Пограничные межотраслевые институты образуются на стыке смежных однородных отраслей права, а функциональные – на границе смежных неоднородных отраслей права. В последнем случае между нормами права существует только функциональная связь для решения конкретных задач правового регулирования. В результате дальнейшего развития некоторые комплексные правовые институты могут трансформироваться в подотрасль права или самостоятельную новую отрасль права (Polenina, 1975:74–77).

Если говорить о цифровом гражданстве как о перспективном комплексном правовом институте, то его основная отраслевая принадлежность определяется материей конституционного права, где гражданство формулируется как устойчивая правовая связь лица и государства, выраженная в их взаимных правах, обязанностях и ответственности.

Однако правильно отмечено, что под влиянием новых цифровых технологий институт гражданства трансформируется за счет синтеза расширения форм политико-правового участия граждан в публичном управлении и их вовлечения в конституционную мобилизацию и конституционную модернизацию. Отсюда цифровое гражданство возникает как раз на границе взаимодействия технологий и деятельности человека в политике, когда общество становится не просто информационным, а алгоритмическим, т.е. автоматически управляемым с помощью ИТ-технологий (Kravets, 2023:95–99).

По мнению исследователей, в ближайшее время одной из самых актуальных проблем электронной демократии станет специальное нормативное закрепление в конституционном законодательстве цифровых политических прав. Для этого необходимо разрешить доктринальные дискуссии о разграничении полноценных цифровых прав и традиционных прав, реализуемых с помощью цифровых технологий и устройств.

Если реализация конституционных прав возможна и в традиционном, и в цифровом формате, то необходима законодательная регламентация особенностей реализации таких традиционных политических прав в цифровой среде (избирательные права, право на обращение). В том случае, когда реализация прав возможна исключительно в цифровом формате (голосование по отбору территорий для благоустройства), то можно выделять особую категорию цифровых политических прав граждан в цифровом публично-правовом пространстве, что потребует решения проблем

цифровой идентификации гражданина и цифровой безопасности (Egurova & Egurov, 2023:69).

Говоря о цифровизации избирательного процесса в Российской Федерации и за рубежом, следует отметить тенденцию к увеличению количества правовых норм, направленных на разработку и использование электронных форм голосования. В современной России законы устанавливают рамочное правовое регулирование, предусматривая возможность очного голосования на избирательном участке (бумажным бюллетенем и с помощью комплекса (машины) для электронного голосования – КЭГ), так и дистанционного голосования без посещения избирательного участка (с помощью мобильного или иного устройства связи – ДЭГ). Конкретизация этих положений осуществляется в подзаконных нормативных актах ЦИК России, определяющих порядок электронного голосования с применением КЭГ и ДЭГ, требования к специальному аппаратному и программному обеспечению и т.д.

Между тем наращивание объема и плотности нормативного регулирования электронных форм голосования отражает объективные потребности научно-технического прогресса, направленные на максимизацию удобства, понятности и доступности избирательных процедур, обеспечение конфиденциальности голосования и прозрачности подсчета голосов, достоверности результатов волеизъявления, на повышение вовлеченности населения в демократические процессы, снижение материальных и временных затрат в работе избирательных комиссий, расширение альтернативных форм участия в голосовании, экстерриториальный доступ избирателей независимо от места их нахождения и пр. (Gadzhieva, 2023:652).

Это может свидетельствовать о становлении в рамках института избирательного права субинститута электронного голосования, который, в свою очередь, вместе с другими элементами может входить в содержание комплексного правового института цифрового гражданства.

Широкое распространение получили технологии публичного управления, именуемые «электронным правительством», построенные на началах блокчейна. Взаимодействие между гражданином и органами публичной администрации в процессе выполнения функций исполнительной власти осуществляется в разных сферах: экономике, финансах, медицине, предпринимательстве, промышленности, сельском хозяйстве и т.п. Однако за счет скорости и точности принятия решений, удешевления операций, усиления безопасности и конфиденциальности данных, автоматизации деятельности в блокчейне можно максимально полно и эффективно добиваться поставленных управленческих целей и отвечать на вызовы времени. К ним относятся государственное регулирование обращения цифрового рубля и (или) национальной криптовалюты, организация телемедицины и единого реестра учета медицинских сведений и болезней, мониторинговое отслеживание производства и оборота сельскохозяйственной продукции, государственный надзор за соблюдением цифровых авторских прав и пр. (Shamrin & Galkina, 2023:959–965).

Мы видим, что оптимальное управление с помощью цифровых технологий в важнейших сферах общественной жизни способно формировать в рамках цифрового административного права соответствующие правовые институты электронной коммерции, электронных публичных финансов, цифрового транспорта и т.д. Поэтому в той части, в которой эти институты регламентируют административно-правовой статус гражданина в отношениях с органами исполнительной власти, они

могут быть включены в состав комплексного правового института цифрового гражданства.

Электронное правосудие – это еще одна сфера влияния цифровых технологий на жизнедеятельность граждан. Цели внедрения электронного правосудия идентичны: расширение доступа граждан к правосудию, усиление гарантий процессуальных прав в судопроизводстве, укрепление законности и повышение эффективности судебных актов. Вместе с тем типичные проблемы сохраняются и в рамках электронного судопроизводства: повышение цифровой грамотности населения, преодоление цифрового «разрыва», защита персональных данных, борьба со злоупотреблениями и т.д.

Электронное правосудие включает также в свой состав тематику искусственного интеллекта, улучшающего качество правосудия за счет внедрения достижений науки и техники, алгоритмов и автоматизации процессуальной деятельности. Опыт Китайской Народной Республики показывает, что необходимо установление баланса между ценностями эффективности и справедливости правосудия, общественными традициями, этическими нормами и основными правами цифрового гражданина. Особо следует оговорить, что полная автоматизация искусственного интеллекта может привести к серьезному вмешательству в деятельность судьи, парализовать его работу. С помощью рационального суждения машины можно определить пределы усмотрения, но чувства и эмоции судьи не заменить при решении дела (Rusakova, 2023:478; Gavrilova, 2023:108).

Рассматривая понятие искусственного интеллекта, отметим большое значение, которое придается искусственному интеллекту при автоматизированном формировании и поддержании нравственной составляющей в гарантировании фактического правового равенства людей. Подчеркивается, что такое воздействие будет носить универсальный всеобъемлющий характер (Isakov, 2023:930). Соглашаясь в целом с таким утверждением, полагаем, что оно ограничено лишь сохранением человеческого контроля за действиями искусственного интеллекта. В случае утраты этого контроля отсутствуют какие-либо гарантии соблюдения искусственным интеллектом человеческой морали и, вероятно, как считают некоторые футурологи, она может быть заменена т.н. «новой», «машинной» этикой.

Думается, что субинститут электронного правосудия как элемент института организации и деятельности судебной власти регулирует доступ и участие гражданина в судопроизводстве на базе цифровых технологий, из чего следует возможность его включения в комплексный правовой институт цифрового гражданства.

Концептуальной проблемой правового обеспечения цифрового гражданства является управление рисками цифровизации. Представление о рисках основывается на исходных понятиях безопасности/опасности и защищенности/угрозы. Риск – категория оценочная, так как охватывает осознанный выбор варианта поведения в условиях неопределенности с равной или неодинаковой вероятностью причинения пользы/вреда и множественной степенью значимости/тяжести возможных последствий поступка для общества, индивида или третьих лиц. Очевидно, что для плодотворного пользования цифровыми технологиями, приносящими обществу и человеку преимущества и риски, необходимо интенсифицировать положительное влияние цифровизации и минимизировать риски.

Особо важной является борьба и профилактика рисков в сегменте детского Интернета, где требуется усилить законодательные и практические меры информационно-психологической безопасности несовершеннолетних. Для разработки таких мер следует учитывать классификацию рисков на контентные, коммуникационные и поведенческие в зависимости от роли ребенка в их наступлении и сферы проявления: финансы, общение, информация и гендерные отношения (Bogdanova & Burkatovskaya, 2017:149).

В Российской Федерации законодательно предусмотрены средства надзора за безопасностью поведения ребенка в сети: регистрация на публичных сайтах по паспорту, фильтрация контента, упрощенная навигация и др., но эти мероприятия нуждаются в функциональном расширении, упорядочивании применения и адекватном правовом обеспечении. Например, необходимо с помощью правовых норм и правовых гарантий распространять опыт создания платформ со специальным программным обеспечением, защищающим информационную безопасность ребенка и (или) контролирующим его цифровое поведение.

В зарубежной литературе отмечены сходные риски цифровизации. Существуют большие проблемы в демократическом управлении цифровым пространством: вопросы безопасности в Интернете, шпионаж, хакеры, разжигание ненависти, киберзапугивание, сообщения ненависти, непристойность, экстремизм, преступность, терроризм, трудности с защитой безопасности, вторжение в личные данные (например, сканирование фотографий и обеспечение распознавания лиц), вопросы интеллектуальной собственности, защиты конфиденциальности, прав как свободы выражения мнений, рисков манипулирования, гомогенизации общества и фейковых новостей, а также цифрового разрыва. Решение этих вопросов за рубежом находится в плоскости гражданского сотрудничества правительств, неправительственных организаций и индивидов в расширении цифровой грамотности и развитии цифрового образования (Bombardelli, 2021:820).

Обобщая сказанное, отметим, что цифровые технологии и виртуальная реальность как полноценная часть жизни человека определяют потребности и мотивацию создания комплексного правового института цифрового гражданства. В основе его построения будут лежать практическая целесообразность и функциональный критерий (оптимально должное правовое урегулирование отдельных сфер жизнедеятельности общества на основе цифровых устройств, данных и технологий). Создание условий для появления такого комплексного правового института – это перспективная задача российской юридической науки.

Цифровое гражданство как особый феномен современной правовой культуры

Появление цифрового гражданства в современном обществе связывается с генезисом и развитием цифровой культуры, цифровых ценностей и цифрового мышления. Следует отметить, что цифровое гражданство вполне может рассматриваться как качественно своеобразный феномен правовой культуры, особый тип или форма современной правовой культуры.

Цифровая культура личности включает в состав три компонента: онтологический (осознание своей реальной социально-культурной идентичности в цифровой

среде); информационный (поиск, отбор и оценка цифровой информации); коммуникационно-этический: моральные цели вступать в сетевое общение или воздерживаться от коммуникации (Garkusha, 2023:55).

На наш взгляд, цифровое гражданство можно понимать как особый феномен современной правовой культуры, который представлен уровнем (степенью, мерой) приобретенных цифровых знаний, умений, навыков и убеждений, развития ценностных и поведенческих установок, определяющих отношение гражданина к цифровому миру и роли государства в его правовой регламентации, понимание юридического смысла цифровой реальности, мотивационные и волевые механизмы юридически значимого цифрового поведения гражданина.

Особенностью восприятия цифрового гражданства как правокультурного феномена является возможность измерить его с помощью количественных и качественных методов исследования. Они применяются как в зарубежной, так и в отечественной литературе, отражая специфические особенности страны или географического региона.

Так, например, среди студентов университета Султана Кабуса в Омане проведено исследование по определению уровня цифровой идентичности, цифровой гражданской активности, цифровой этики, цифровой грамотности, цифровой безопасности и глобальной цифровой коммуникации в период пандемии COVID-2019. В результате выполнения 26 сценарных заданий, оцениваемых по 4-бальной шкале уровней (очень низкий; низкий; средний; передовой), рассчитан уровень цифрового гражданства от среднего к низкому с более высоким уровнем развития цифровых навыков у женщин по сравнению с мужчинами (Alsaadi, et al., 2023:286–291).

Безусловно, в силу разных учебных программ и разных критериев оценки данные выводы нельзя автоматически распространять на другие высшие учебные заведения страны. Однако из приведенного примера становится ясно, что для развития цифрового гражданства как правокультурного феномена следует не только накапливать знания о правовых аспектах цифровых инструментов или технических навыках их законного применения, но и практиковать цифровое гражданство как установку правомерного поведения, т.е. активно использовать и обучаться цифровым навыкам в течение всей повседневной жизни в юриспруденции.

Во время президентских выборов 2006 г. в Эквадоре социальные сети показали себя как эффективные инструменты продвижения политической повестки, распространения нужного политического контента, как платформы для политических дебатов. И сегодня в муниципалитетах Эквадора можно отметить стабильное соотношение между количеством публикаций и ростом подписчиков и их сетевой активности, спецификой тем взаимодействия, когда участие цифровых граждан в нахождении и распространении релевантной информации способствует не только усилению гражданских дискуссий, но и общей демократической эволюции государственной политики. Отсюда можно отметить более широкое влияние социальных сетей на политику и выборы в Эквадоре (Morales, et al., 2020:683).

В отличие от этого в скандинавских странах наблюдается низкая политическая активность в контексте применения цифровых технологий при обучении. Так, в школьном образовании Норвегии и Швеции преобладает философский подход к технологиям как средствам для улучшения социальной жизни, защиты моральных ценностей, укрепления фундамента демократии, верховенства закона и расширения политического участия граждан. В Дании цифровая гражданственность описывается

как умение обучаемых получать доступ к информации в Интернете и техническое освоение цифровых инструментов. В Финляндии целью обучения цифровой гражданской ответственности является ответственное и этичное использование цифровых технологий для вовлечения людей в обучение, исследования и творчество, взаимодействие и общение друг с другом в сети (Christensen, et al., 2021:74–78).

Цифровое образование в Новой Зеландии направлено на свободное владение цифровыми технологиями для расширения социально-экономических, политических и культурных возможностей по более активному участию в онлайн-жизни общества. В то же время знания цифровой среды и навыки цифровой грамотности должны выражать традиционные верования и ценности коренных жителей Новой Зеландии (маори), к числу которых относятся мудрость, сопричастность, забота о других, благополучие, сотрудничество, единство (Dabner, 2019:3–4).

Для совершенствования практики цифрового гражданства необходимо привлечение детей и молодежи, но в период пандемии COVID-2019 в Гонконге столкнулись с проблемой воспитания цифровой гражданской ответственности и грамотности родителей, когда остро возникла необходимость оказания поддержки детям во время онлайн-обучения, а дети не обращались к родителям за помощью в обучении по причине либо цифрового неравенства, либо цифрового разрыва.

В одном случае для семей с низкими доходами правительство и частные фонды начали выделять субсидии на приобретение программного обеспечения и компьютеров для домашнего обучения. В другом случае для семей с низким уровнем образования создан Единый веб-сайт «Smart Parent Net», который предназначен для самостоятельного приобретения родителями достаточных компьютерных знаний, быстрого поиска полезной учебной информации, предоставлении практических навыков в дистанционном обучении детей (Chun, et al., 2023:169–174). Из этого следует, что основы правовой культуры цифрового гражданства должны закладываться в процессе обучения, воспитания детей и социализации с ответственным и деятельным участием родителей.

Во внутренней государственной политике Китайской Народной Республики китайское государство рассматривается как гигантская платформа интернет-предпринимательства, открытая для успешного ведения цифрового бизнеса любым гражданином. Китайцы четко представляют себе, что только инновационные технологические достижения дают мировое конкурентное преимущество страны, формируют ее образ как локомотива мировой цифровой экономики (Degtyarenko & Kirko, 2023:14).

Говоря об отечественных чертах правовой культуры цифрового гражданства, следует выделить нацеленность действий субъектов российского права на поэтапное внедрение цифровых инноваций, тщательное экспертное обсуждение и экспериментальную апробацию их пользы и рисков, учет максимального объема научных знаний в законодательном регулировании цифрового пространства. Кроме того, обращает на себя внимание факт введения в специальный терминологический оборот такого понятия, как «цифровая зрелость», которое почти не встречается в зарубежной литературе. Например, цифровая зрелость понимается как степень цифровизации базовых процессов и динамика развития цифровой среды (Ershova & Enkova, 2022:29).

Более детально цифровая зрелость может использоваться как качественный показатель правовой культуры при диагностической оценке цифровых компетенций школьников, студентов и выпускников юридических вузов. К видам цифровой зрелости относятся: базовая, ключевая, универсальная, сквозная, специальная. К

уровням цифровой зрелости можно отнести необходимый, уверенного пользователя и экспертный (Panasyuk, et al., 2023:114–115). На аналогичной основе может быть доработан и закреплён в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования по направлениям подготовки бакалавриата и специалитета юриспруденции перечень показателей профессиональной, социальной и личной цифровой зрелости юриста.

Заключение

В результате анализа актуального в России и за рубежом феномена цифрового гражданства отмечены его междисциплинарное значение для различных общественных наук и национально-культурная специфика его содержательных компонентов. Для юридической науки специальный объект исследования составляют правовые проблемы цифрового гражданства. К числу наиболее значимых правовых проблем, нуждающихся в перспективном изучении, относятся разработка юридической конструкции и формирование комплексного правового института цифрового гражданства, а также становление цифрового гражданства как особого феномена современной правовой культуры.

References / Список литературы

- Alsaadi, M., Alharassi, N., Alsalami, J. & Alkindi, S. (2023) The Practices of Digital Citizenship Among Undergraduates at Sultan Qaboos University in Oman During COVID-19. In: Al Naimiy, H.M.K., Bettayeb, M., Elmehdi, H.M. & Shehadi, I. (eds.). *Future Trends in Education Post COVID-19. SHJEDU 2022*. Springer, Singapore. pp. 281–294. https://doi.org/10.1007/978-981-99-1927-7_22
- Bogdanova, D.A. & Burkatovskaya, G.R. (2017) From Internet risks to digital citizenship. *Public education*. 1464(8), 147–153. (in Russian).
Богданова Д.А., Буркатовская Г.Р. От интернет-рисков – к цифровому гражданству // Народное образование. 2017. № 8(1464). С. 147–153.
- Bokov, Y.A. & Abezin, D.A. (2020) Digital Citizenship: Implementation in the Modern World. In: Inshakova, A. & Inshakova, E. (eds.). *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age. CRFMELD 2019. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 110. Springer, Cham. pp. 442–448. https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_52
- Bombardelli, O. (2021) Digital Citizenship and Life Long Learning. In: Auer, M. & May, D. (eds.). *Cross Reality and Data Science in Engineering. REV 2020. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 1231. Springer, Cham. pp. 817–826. https://doi.org/10.1007/978-3-030-52575-0_67
- Brodovskaya, E.V. (2019) Digital citizens, digital citizenship and digital citizenship. *Power*. 27(4), 65–69. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6587> (in Russian).
Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. 2019. Т. 27. № 4. С. 65–69. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6587>
- Bronnikov, I.A. & Karpova, V.V. (2021) Digital citizenship in the Russian Federation: political risks and prospects. *Bulletin of Volgograd State University. Episode 4: History. Regional studies. International relationships*. 26(3), 123–133. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.11> (in Russian).
Бронников И.А., Карпова В.В. Цифровое гражданство в Российской Федерации: политические риски и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 3. С. 123–133. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.11>

- Chapman, A.L. (2023) (Digital) Citizenship: Dissenting from Indifference. *Social Media for Civic Education. Palgrave Studies in Educational Media*. Palgrave Macmillan, Cham. pp. 93–103. https://doi.org/10.1007/978-3-031-10865-5_6/
- Cherdantsev, A.F. (1993) Logical and linguistic phenomena in law, legal science and practice. Yekaterinburg, Nauka Publ. (in Russian).
Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: Наука, 1993. 189 с.
- Christensen, I.R., Biseth, H. & Huang, L. (2021) Developing Digital Citizenship and Civic Engagement Through Social Media Use in Nordic Schools. In: Biseth, H., Hoskins, B. & Huang, L. (eds.). *Northern Lights on Civic and Citizenship Education. IEA Research for Education*. Vol. 11. Springer, Cham. pp. 65–92. https://doi.org/10.1007/978-3-030-66788-7_4
- Chukwuere, J.E. & Munapo, E. (2023) Factors Influencing the Development of Digital Citizenship on Social Media Platforms: Narrative Review. In: Vasant, P., Weber, G.W., Marmolejo-Saucedo, J.A., Munapo, E. & Thomas, J.J. (eds.). *Intelligent Computing & Optimization. ICO 2022. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 569. Springer, Cham. pp. 1007–1015. https://doi.org/10.1007/978-3-031-19958-5_94
- Chun, W.S.D., Yau, S.H., Chan, W.M. & Leung, C.Y. (2023) Bridging the Gap Between Digital Divide and Educational Equity by Engaging Parental Digital Citizenship and Literacy at Post-Covid-19 Age in the Hong Kong Context. In: TSO, A.W.B., NG, S.K.K., LAW, L., BAI, T.S. (eds.). *The Post-pandemic Landscape of Education and Beyond: Innovation and Transformation. HKAECT 2022. Educational Communications and Technology Yearbook*. Springer, Singapore. pp. 165–182. https://doi.org/10.1007/978-981-19-9217-9_11
- Dabner, N. (2019) Digital Citizenship: A Sociocultural Snapshot. In: Tatnall, A. (ed.). *Encyclopedia of Education and Information Technologies*. Springer, Cham. pp. 1–5. https://doi.org/10.1007/978-3-319-60013-0_179-1
- Degtyarenko, K.A. & Kirko, V.I. (2023) Digital policy of China: digital image of the national state. *Digitalization*. 4(4), 8–25. (in Russian).
Дежтяренко К.А., Кирко В.И. Цифровая политика Китая: цифровой образ национального государства // Цифровизация. 2023. Т. 4. № 4. С. 8–25.
- Egurova, M.A. & Egurov, A.V. (2023) Digital Political Rights as New Reality in Digital PublicLaw Space. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 24(2), 65–77. <https://doi.org/10.31429/26190567-24-2-65-77> (in Russian).
Егурова М.А., Егуров А.В. Цифровые политические права как новая реальность цифрового публично-правового пространства: политико-правовой аспект // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 24. № 2. С. 65–77. <https://doi.org/10.31429/26190567-24-2-65-77>
- Ershova, I.V. & Enkova, E.E. (2022) Digital maturity as an indicator of the success of digital transformation of a university. *Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSAL)*. 100(12), 20–29. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.100.12.020-029> (in Russian).
Ершова И.В., Енькова Е.Е. Цифровая зрелость как показатель успешности цифровой трансформации университета // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 12(100). С. 20–29. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.100.12.020-029>
- Gadzhieva, A.O. (2023) Electronic Voting Technologies in Elections: Russian and Foreign Experience. *RUDN Journal of Law*. 27(3), 649–669. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-3-649-669> (in Russian).
Гаджиева А.О. Электронные технологии голосования на выборах: опыт применения в России и за рубежом // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 3. С. 649–669. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-3-649-669>
- Garkusha, V.N. (2023) Digital civilization, digital thinking and digital culture. *Information–Communication–Society*. (1), 55–59. (in Russian).
Гаркуша В.Н. Цифровая цивилизация, цифровое мышление и цифровая культура // Информация–Коммуникация–Общество. 2023. Т. 1. С. 55–59.

- Gavrilova, Yu.A. (2023) The Constitutionalization of information security in Russian Law: improving the theoretical model. *RUDN Journal of Law*. 27(1), 97–116. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-97-116> (in Russian).
Гаврилова Ю.А. Конституционализация информационной безопасности в российском праве: проблема совершенствования теоретической модели // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 1. С. 97–116. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-1-97-116>
- Isakov, I.N. (2023) New technologies in law as a highly effective means of implementing the constitutional principle of equality in conditions of multi-level legal regulation. *RUDN Journal of Law*. 27(4), 919–938. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-919-938> (in Russian).
Исаков И.Н. Новые технологии в праве как высокоэффективное средство реализации конституционного принципа равенства в условиях разноуровневого правового регулирования // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 4. С. 919–938. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-919-938>
- Kravets, I.A. (2023) Digital citizenship and constitutional challenges in the information and algorithmic society. *Comparative constitutional review*. 153(2), 93–123. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-2-93-123> (in Russian).
Кравец И.А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2023. № 2(153). С. 93–123. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-2-93-123>
- Mamlok, D. (2021) Advancing Digital Citizenship. *The Great Promise of Educational Technology. New Frontiers in Education, Culture, and Politics*. Palgrave Macmillan, Cham. pp. 155–167. https://doi.org/10.1007/978-3-030-83613-9_9
- Morales, N.J.M., Micles, V.D.P., Ibáñez, D.B. & Lagos, C.P. (2020) Digital Citizenship and Participation Through Twitter: The Case of Provincial Capital Municipalities in Ecuador (2009–2019). In: Rocha, Á., Ferrás, C., Montenegro Marin, C. & Medina García, V. (eds.). *Information Technology and Systems. ICITS 2020. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 1137. Springer, Cham. pp. 681–692. https://doi.org/10.1007/978-3-030-40690-5_65
- Örtengren, A. (2024) Philosophical underpinnings of digital citizenship through a postdigital lens: Implications for teacher educators' professional digital competence. *Educ Inf Technol*. 29, 4253–4285. <https://doi.org/10.1007/s10639-023-11965-5>
- Panasyuk, V.P., Monakhova, L.Yu. & Sherayzina, R.M. (2023) Digital maturity of an individual as an assessment of his digital competence: types and levels. *Person and Education*. 76(3), 110–118. (in Russian).
Панасюк В.П., Монахова Л.Ю., Шерайзина Р.М. Цифровая зрелость индивида как оценка его цифровой компетентности: виды и уровни // *Человек и образование*. 2023. № 3 (76). С. 110–118.
- Polenina, S.V. (1975) Complex legal institutions and the formation of new branches of law. *Jurisprudence*. (3), 71–79. (in Russian).
Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // *Правоведение*. 1975. № 3. С. 71–79.
- Pyрма, R.V. (2019) Political facets of digital citizenship. *Power*. 27(4), 69–78. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6588> (in Russian).
Пырма Р.В. Политические грани цифрового гражданства // *Власть*. 2019. Т. 27. № 4. С. 69–78. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6588>
- Rusakova, E.P. (2023) The application of artificial intelligence in the civil proceedings of the People's Republic of China: theoretical and legal analysis. *RUDN Journal of Law*. 27(2), 468–480. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-468-480> (in Russian).
- Shamrin, M.Yu. & Galkina, M.V. (2023) The role of blockchain in improving public administration. *RUDN Journal of Law*. 27(4), 956–968. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-956-968> (in Russian).

Шамрин М.Ю., Галкина М.В. Роль блокчейна в совершенствовании публичного управления // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 956–968. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-956-968>

Third, A., Collin, P., Walsh, L. & Black, R. (2019) Digital Citizenship. *Young People in Digital Society. Studies in Childhood and Youth*. Palgrave Macmillan, London. pp. 175–219. https://doi.org/10.1057/978-1-137-57369-8_5

Vlasenko, N.A. (2013) Logical and linguistic requirements for legal constructions. *Legal technique*. (7–2), 164–167. (in Russian).

Власенко Н.А. Логико-языковые требования к юридическим конструкциям // Юридическая техника. 2013. № 7–2. С. 164–167.

Об авторах:

Гаврилова Юлия Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии и теории права, Институт права, Волгоградский государственный университет; 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

ORCID: 0000-0002-8055-4710

e-mail: gavriloa_ua@volsu.ru

Боков Юрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Институт права, Волгоградский государственный университет; 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

ORCID: 0000-0001-6357-9599

e-mail: bokov@volsu.ru

About the authors:

Yulia A. Gavrilova – Candidate of Legal Science, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theory of Law, Law Institute, Volgograd State University; 100 Universitetsky ave., Volgograd, 400062, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8055-4710

e-mail: gavriloa_ua@volsu.ru

Yuri A. Bokov – Candidate of Legal Science, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Law Institute, Volgograd State University; 100 Universitetsky ave., Volgograd, 400062, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6357-9599

e-mail: bokov@volsu.ru